

6. Гурченко, А. И. Фольклор в концертно-сценической практике Беларуси / А. И. Гурченко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – Вып. 3(9). – С. 171–179.
7. Дадзіёмава, В. У. Гісторыя музычнай культуры Беларусі да XX стагоддзя / В. У. Дадзіёмава. – Мінск: Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, 2012. – 230 с.
8. Gołębjowski, Ł. Lud Polski. Jego zwyczaje, zabobony / Ł. Gołębjowski. – Warszawa: Druk. A. Gałęzowskiego I Spółki, 1830. – 328 st.
9. Tyskiewicz, E. Opisanie powiaty Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim / E. Tyskiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. – 446 s.
10. Rypiński, A. Białoruś: kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. / A. Rypiński. – Paryż: W księgotłoczni J. Marylskiego, 1840. – 232 s.
11. Анимелле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографическое обозрение. – 1854. – Вып. 2. – С. 111–268.
12. Грузинский, А. Е. Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губернии / А. Е. Грузинский // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 4. – С. 142–156.
13. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. – СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1902. – Т.3. – 535 с.
14. Назина, И. Д. Этноинструментоведение как специальная дисциплина / И. Д. Назина // Белорусская этномузыкология: очерки истории (XIX–XX вв.) / З. Можейко [и др.]; под ред. З. Можейко. – Минск: Тэхналогія, 1997. – С. 199–234.
15. Маслов, А. Л. Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в г. Москве / А. Л. Маслов // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. – М., 1911. – Т. II. – С. 248–250.
16. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке: дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.09 / О. А. Лобачевская. – Минск, 2014. – 286 л.

Дата поступления: 27.09.2018.

Дудчик А. Ю.
Белорусский государственный университет, Минск

Dudchik A.
Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)(4/9);1(091)

ТРАНСФЕР ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕЙ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В «ДОЛГОМ XIX ВЕКЕ»

TRANSFER OF EUROPEAN IDEAS AS A FACTOR OF BELARUSIAN PHILOSOPHY'S DEVELOPMENT IN THE 'LONG 19TH CENTURY'

В статье представлен анализ развития философской мысли Беларуси в «долгом XIX веке» в контексте влияния на этот процесс идей европейской философской традиции. Реконструированы основные особенности модели культурного трансфера и обоснована эвристическая значимость ее использования для изучения философской традиции Беларуси. Осуществлена экспликация содержания, направления и основных механизмов и стратегий трансфера философских идей в белорусском интеллектуальном пространстве XIX в.

Ключевые слова: белорусская философия XIX века; европейская философия; немецкая философия; трансфер идей; культурный трансфер.

The article analyzes development of Belarusian philosophy in the context of ideas of European philosophy influence. The main peculiarities of the cultural transfer model are reconstructed and its heuristic value for study of Belarusian intellectual culture is proved. Main content, directions, mechanisms and strategies of philosophical ideas transfer in Belarusian culture are explicated.

Keywords: Belarusian philosophy in 19th century; European philosophy; German philosophy; transfer of ideas; cultural transfer.

Вопросы, связанные с развитием национального философского знания, по праву находятся в центре внимания белорусского философского

сообщества. Они активно обсуждались в рамках Первого белорусского философского конгресса [1], а также специализированных про-

фессиональных дискуссий [2]. Большинство специалистов сходятся во мнении о значимости периода «долгого XIX века» для становления национального самосознания и интеллектуальной традиции. В последние годы в Беларуси был опубликован ряд работ, посвященных изучению истории философской и общественно-политической мысли Беларуси XIX в. (тексты И. М. Бобкова [3], В.Б. Еворовского [4]). Объективной особенностью данного периода общепризнанно считается отсутствие в регионе философских образовательных учреждений (после закрытия Виленского университета в 1832 г.), в связи с чем основной упор делается на тексты художественного, публицистического и социально-политического характера. В то же время более специализированная философская проблематика, также представленная в белорусской культуре, гораздо менее известна как профессиональному сообществу, так и студенческой аудитории. Заполнение определенных «белых пятен» в данной области историко-философского знания предполагает как специальную историко-архивную исследовательскую работу, так и использование соответствующих исследовательских подходов.

В рамках нашего исследования будет использоваться подход изучения процессов культурного трансфера. Программа изучения процессов и феноменов культурного трансфера является относительно молодой (возникла в 1980-е гг.) и достаточно активно развивающейся областью исследования, обладающей междисциплинарным статусом. Само понятие культурного трансфера связано с работами французских историков культуры М. Вернера и М. Эспаня (интересно отметить, что оба исследователя – немецкого происхождения, поэтому культурный трансфер не только исследуется ими теоретически, но и, в определенном смысле, практикуется, являясь частью их «жизненного мира»). Первоначально понятие применялось преимущественно для исследований в области истории культуры (прежде всего литературы), но в дальнейшем стало применяться по отношению к более широким проблемным полям и на сегодняшний день вполне может рассматриваться как самостоятельная область исследований, принципиальной характеристикой которой можно назвать ее междисциплинарность, что позволяет обращаться к проблемам и методам самых разных дисциплин: культурологии, социологии, антропологии, лингвистики, истории искусства и т. д.

Само понятие культурного трансфера является принципиально полисемантическим и активно используется в разных областях человеческой деятельности (от экономики до психоанализа), обозначая целый ряд процессов, связанных с фено-

меном перехода, переноса и перевода (в широком значении последнего). В оригинале используются термины *Transferts Culturels* (фр.) и *Kulturtransfer* (нем.) соответственно, в русском языке уже существует традиция перевода термина как «культурный трансфер» (хотя, видимо, возможны и другие варианты, например, «трансфер культуры»). Понятие активно используется в конкретных исследовательских проектах, охватывающих большое количество самых разных областей (культурный трансфер в различные исторические периоды, между национальными культурами, между цивилизациями и т. д.). При этом, однако, наблюдается преобладание литературы, посвященной исследованиям конкретных явлений в рамках изучения процессов культурного трансфера по отношению к теоретической концептуализации данного подхода. Вероятно, это можно связать с тем, что подобный подход изначально ориентирован на конкретные исследования, в отрыве от которых изложение теоретической программы может показаться малопродуктивным. В наиболее полном виде общие принципы данного подхода изложены в ряде статей М. Эспаня [5; 6] и М. Вернера [7]. Из русскоязычных источников назовем работы Д. В. Лобачевой [8] и Е. Е. Дмитриевой [9]. В целом следует отметить, что в последние годы на русском языке наряду с переводом научных статей [10] появилось несколько материалов научно-популярного характера, посвященных проблематике культурного трансфера [11; 12]. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о популярности и актуальности подобного исследовательского подхода. При этом все же количество материалов на русском языке пока несколько ограничено. При этом достаточно подробная немецкоязычная библиография по теме культурного трансфера представлена на сайте университета австрийского города Грац, в котором действует один из исследовательских центров процессов культурного трансфера [13].

На наш взгляд, данная исследовательская программа обладает достаточно большим эвристическим потенциалом, как в области исследования культуры в целом, так и применительно к изучению проблематики истории философии (в области изучения трансфера идей, понятий, дисциплинарностей и т. д.). Наряду с другими современными подходами (история идей, интеллектуальная история, социология знания и т. д.) изучение процессов культурного трансфера может стать хорошим дополнением к классическим методам и проблемам историко-философских исследований.

Вполне уместным будет сравнение понятия трансфера с другим весьма популярным в отечественной историко-философской традиции

понятием, а именно понятием рецепции, имеющим достаточно длительную и вполне успешную историю использования, в частности, в рамках изучения белорусской философской мысли (см. работы В. Ф. Шалькевича [14], А. А. Легчилина [15], А. А. Подолинской [16] и др.). Обычно это понятие используется для анализа определенного влияния идей, понятий, концепций и т. д. в рамках философских школ, национальных или региональных традиций мысли, авторских философских систем.

В этой связи интересно отметить, что анализ соотношения этих двух понятий осуществлялся и представителями подхода изучения «культурного трансфера». Так, в материалах общей дискуссии одной из конференций, посвященных процессам культурного трансфера в XVI в. [17], затрагивается, наряду с другими, и вопрос о соотношении понятия культурного трансфера и более традиционного в гуманитарных науках понятия рецепции. Не отрицая важности и эвристической значимости понятия рецепции для изучения интеллектуальной культуры в целом, в ходе дискуссии был сформулирован и ряд отличий между двумя этими понятиями, что позволяет в некоторых случаях использовать понятие культурного трансфера как более удобное для исследования.

Так, во-первых, понятие культурного трансфера основывается на понимании характера взаимодействия между сторонами в процессе обмена как принципиально динамическом и разнонаправленном (используя популярный политический термин – многовекторном) по сравнению с понятием рецепции. Например, усвоение определенных идей, понятий, концепций предполагает не только их пассивное восприятие, но и достаточно активную деятельность по выбору, переводу, интерпретации и т. п. В этой ситуации более уместно вести речь, например, не просто о чтении, но о прочтении, не просто об усвоении, но и освоении и даже присвоении (в позитивном значении делания значимым для себя) и т. п.

Во-вторых, понятие трансфера позволяет сделать акцент на процессуальной составляющей взаимодействия, избегая при этом проведения четких границ (например, между субъектом и объектом, системой и средой, субъектами взаимодействия и т. д.) и не всегда оправданного гипостазирования отдельных элементов процесса. В рамках истории философии, в частности, это может проявляться в появлении таких сущностей как традиции, направления, течения и т. п. При этом весьма дискуссионным является вопрос о том, существуют ли они реально в культурно-социальной реальности либо же являются результатом деятельности исследователя. В рамках программы изучения «культурного трансфера»

эти проблемы также сохраняются, однако принимают не столь острый характер, поскольку исходное процессуально-динамическое видение изучаемой реальности не предполагает выделения четких и непреодолимых по отношению друг к другу границ внутри изучаемой области.

Также использование понятия культурного трансфера основывается на широком понимании культуры (включая в это понятие не только сферу высокой интеллектуальной культуры, но и культуру материальную, повседневную жизнь, маргинальные сферы культуры и т. д.). Это, в свою очередь, предполагает включение в рассмотрение и широкого социально-культурного контекста: материальных артефактов, технических приспособлений, социальных институтов и практик и т. п. Конечно, это является весьма существенным расширением предметного поля исследования по сравнению с классическими представлениями об истории философии, что, однако, соответствует современным тенденциям в этой сфере. Следовательно, наряду с другими современными подходами (история идей, интеллектуальная история, социология знания и т. д.) изучение процессов культурного трансфера может стать хорошим дополнением к классическим методам и проблемам историко-философских исследований.

Таким образом, даже на основании данного краткого обзора аргументации сторонников программы изучения «культурного трансфера» можно сделать вывод, что использование данного понятия при исследовании интеллектуальной культуры, в частности, истории философии, имеет под собой определенные основания и в ряде случаев вполне оправдано. Тем не менее, на наш взгляд, не совсем корректно было бы противопоставлять понятие культурного трансфера уже вполне привычному и достаточно успешно используемому понятию рецепции. Можно предположить, что эти понятия не столько противоположны по своему содержанию и направленности, но, скорее, могут дополнять друг друга даже в рамках одного исследования. Так, понятие рецепции может использоваться для обозначения взаимодействия преимущественно в области идей, тогда как понятие культурного трансфера позволяет фиксировать более широкий социально-культурный контекст этого взаимодействия. С другой стороны, использование понятия культурного трансфера позволяет подчеркнуть процессуально-динамический характер взаимодействия, в то время как понятие рецепции может использоваться для обозначения результатов этого процесса взаимодействия в наличной форме.

Кроме того, изучение процессов культурного трансфера позволяет скорректировать несколько одностороннюю субъект-объектную схему, по-

казывая белорусскую философскую традицию не только в ситуации пассивной рецепции определённых внешних влияний, но как активно вовлечённую в сложные и многообразные процессы взаимодействия в рамках общеевропейских процессов (включая взаимодействие с западноевропейской, центральноевропейской и русской интеллектуальными традициями). Далее можно предположить, что процессы трансфера осуществлялись не только в пространстве между белорусской культурой и ее внешним окружением, но и во времени – между различными периодами в истории белорусской мысли. Это может свидетельствовать в пользу эвристической значимости анализа культурного трансфера при изучении разных периодов развития белорусской философии (в частности дореволюционного, советского и постсоветского), что позволит выявить определённую преемственность между ними. Это, в свою очередь, позволяет говорить об эвристической значимости использования понятия культурного трансфера при изучении философской мысли Беларуси, и, в частности, влияния идей европейской философии в период XIX в.

Как было отмечено ранее, в качестве основной особенности данного периода следует рассматривать отсутствие институализированных форм философии. Тем не менее, белорусская интеллектуальная среда не была вполне герметичной по отношению к философским идеям и определённые контакты и получение информации, конечно, имели место. Этот процесс, на наш взгляд, целесообразно описывать в категориях изучения культурного трансфера. Одним из принципов данного подхода является акцент на изучении не только культурного производства (идей, смыслов, артефактов и т. д.), но и культурного потребления. При этом последнее рассматривается не только как по преимуществу пассивный процесс, но, напротив, как достаточно активная практика, часто связанная с избирательностью, интерпретацией и т. д. Важными в этом случае будут и социальные факторы, например, престижность того или иного вида культурного досуга (скажем, чтения определённой литературы и т. д.). На наш взгляд, вполне уместно сделать акцент на культурном потреблении, подчеркнув, однако, творческий и избирательный характер процессов чтения и декодировки. При этом в данном контексте речь идет о трансфере в широком смысле слова, затрагивающем не только отдельные идеи, понятия, персоналии, но и методологию, исследовательскую «оптику», способы постановки проблем и выделения объекта исследования, т. е. интеллектуальную культуру в целом.

Таким образом, в качестве основного механизма публичного трансфера философских идей

в белорусском интеллектуальном пространстве XIX в. может рассматриваться процесс рецензирования и перевода обзорных философских текстов в периодической прессе. Так, ряд материалов философского содержания публиковался в частной просветительской газете «Минский листок» (позднее – «Северо-Западный край»). Несмотря на общий популярно-просветительский характер публикуемых материалов, они выполнены на достаточно высоком уровне и содержат определенные сведения философского толка.

Отдельно стоит отметить переводческую деятельность, которая традиционно рассматривается как одна из наиболее важных и эффективных форм культурного трансфера [18]. В XIX в. переводы философских текстов осуществляются преимущественно на польский (первая половина века) и русский (вторая половина века) языки.

Особый интерес с точки зрения анализа процессов трансфера в белорусской интеллектуальной традиции представляют идеи, связанные с проблемами гносеологии и возможностей человеческого знания как такового. В наибольшей степени они были представлены немецкоязычной философской традицией, которую в данном случае вполне уместно будет обозначить как «трансцендентально-критическую», поскольку речь идет, прежде всего, об идеях И. Канта. При этом гносеологическая проблематика немецкого мыслителя пользуется наибольшей популярностью, и другие части его учения (например, кантовская концепция права, анализировавшаяся выдающимся русским правоведом, уроженцем Витебской губернии и выпускником местной гимназии Л. И. Петражицким) также рассматриваются как продолжение кантовских гносеологических идей.

Процессы трансфера гносеологических идей европейской философии в белорусском интеллектуальном пространстве XIX в. целесообразно рассматривать на примере двух временных отрезков. Во-первых, это первая треть XIX в. В этот период действуют Виленский Императорский университет и Полоцкая иезуитская академия, и процессы трансфера идей трансцендентально-критической философии осуществляются в рамках и средствами академической философии. Во-вторых, это последующий период (начиная с 1832 г. – года закрытия Виленского университета), когда процессы трансфера идей трансцендентально-критической философии продолжаются, но происходят уже за пределами академического философского пространства.

Так, первый период характеризуется не только процессами трансфера идей, но и перемещением их носителей, поскольку значительная часть философов была приглашена на территории на-

шего региона из-за рубежа. Прежде всего, речь идёт о преподавателях, читавших курсы по философии, поэтому процесс трансфера идей был тесно связан с образовательными практиками. Здесь следует назвать имена профессора из Германии Г. И. Абихта, в начале XIX века читавшего в Виленском университете лекции, излагавшие основные идеи кантовской философии, а также Ю. Голуховского, ученика Шеллинга, читавшего в 1820-е гг. в Виленском университете лекции в духе идей шеллинговского романтизма.

Кроме непосредственно лекционных курсов стоит отметить и переводческую деятельность, связанную с распространением идей трансцендентально-критической философии. Так, уроженец Беларуси, ученик и последователь И. Канта И. В. Быховец в 1799–1802 гг. в Кенигсберге переводит на польский три работы И. Канта, посвящённые социально-правовой проблематике: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «К вечному миру», «Спор факультетов» (опубликована была только первая работа). Слушатель курсов лекций Г. И. Абихта, выпускник Виленского университета Я. Бобровский (1777–1823) в 1819 г. перевел на польский язык и издал в Вильно работу И. Канта «О педагогике».

Во второй период после закрытия Полоцкой иезуитской академии и Виленского Императорского университета центр интеллектуальной активности перемещается в периодические издания, которые публикуют статьи философского характера. К наиболее известным изданиям следует отнести «Атенеум» («*Athenaeum. Pismo Poświęcone Historii, Literaturze, Sztukom, Krytyce itd.*», 1841–1853, Вильно) и газету «Минский листок» (1886–1902, Минск, впоследствии – «Северо-Западный край»).

Следует отметить, что восприятие идей И. Канта в Беларуси и регионе в целом носило во многом критический и полемический характер. Так, среди критиков И. Канта следует упомянуть А. Довгирда (1776–1835), сменившего И. Г. Абихта на кафедре философии Виленского университета. Он является автором фундаментального труда «Трактат о присущих мышлению правилах или логика теоретическая и практическая», который вышел в Полоцке в 1828 г. В нем дан последовательный анализ «Критики чистого разума» И. Канта, ее основных частей – трансцендентальной эстетики, трансцендентальной аналитики и трансцендентальной диалектики. Схоластическая

версия критики философии И. Канта была представлена профессорами Полоцкой иезуитской академии. Так, профессор философии Полоцкой иезуитской академии итальянец И. Анджиолини (1747–1814) в своих лекциях, изданных в Полоцке в 1819 г. после смерти их автора, неоднократно полемизировал с И. Кантом. Критика философии И. Канта содержится и в работе другого известного профессора Полоцкой иезуитской академии, уроженца Беларуси В. Бучинского (1789–1853), в частности, в его трехтомном труде «Основы философии», изданном на латинском языке в Вене в 1843 г. В его основу были положены лекции, читанные их автором для студентов иезуитской академии в Полоцке.

В 1904 г. в газете «Северо-Западный край» выходит статья «Учение Канта (к столетию со дня кончины)», являющаяся переводом работы немецкого писателя и философа К. Лассвица [19]. К числу менее известных исследователей и популяризаторов философии И. Канта в Беларуси того времени относится А. Аргамаков, преподаватель Полоцкого кадетского корпуса. Его работа «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков» вышла в Полоцке в 1910 г.

Таким образом, философская мысль Беларуси в XIX в. представлена рядом недостаточно изученных интеллектуальных центров (Полоцкая академия, Минская духовная семинария, Полоцкий кадетский корпус, газеты «Северо-Западный край», «Минские епархиальные ведомости», «Минское слово», «Белорусская жизнь», интеллектуальные кружки и собрания) и философских текстов, находящихся в библиотечных архивах (В. Бучинский «*Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritates religionis applicantur conscriptae*», А. П. Аргамаков «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков», Д. В. Скрынченко «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению», Д. М. Мейчик «Учение Ф. Ницше о любви к дальнему» и др.). Комплексное исследование данного периода в форме историко-философской картографии позволит расширить и уточнить существующие научные представления и модернизировать соответствующие учебные материалы учебных курсов.

Список использованных источников

1. Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 окт. 2017 г.). Доклады / НАН Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2018. – 766 с.

2. Белорусская философская традиция как феномен духовной культуры (Материалы круглого стола) // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2018. – Вып. 4. – С. 30–51.
3. Бабкоў, І. М. Памежжа эпох, скрыжаванне культур, складка цывілізацый: інтэлектуальная культура эпохі Асветніцтва і рамантызму / І. М. Бабкоў // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2018. – Вып. 4. – С. 105–120.
4. Евароўскі, В. Б. З’яўленне беларускай нацыянальнай ідэі / В. Б. Евароўскі // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2018. – Вып. 4. – С. 121–133.
5. Espagne, M. Der theoretische Stand der Kulturtransferforschung / M. Espagne // Kulturtransfer. Kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert. – Wien, 2003. – P. 63–75.
6. Espagne, M. Die Rolle der Mittler im Kulturtransfer / M. Espagne // Kulturtransfer im Epochenumbruch Frankreich-Deutschland 1770 bis 1815. – Leipzig, 1997. – P. 309–329.
7. Werner, M. Dissymmetrien und symmetrische Modellbildungen in der Forschung zum Kulturtransfer / M. Werner // Kulturtransfer im Epochenumbruch – Deutschland-Frankreich 1775 – 1810. – Leipzig, 1997. – P. 139–155.
8. Лобачёва, Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий / Д. В. Лобачёва // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 8. – С. 12–17.
9. Дмитриева, Е. Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? / Е. Е. Дмитриева // Вопросы литературы – 2011. – № 4. – С. 14–21.
10. Эспань, М. Межкультурная история филологии / М. Эспань // Новейшее литературное обозрение. – 2006. – № 82. – С. 7–17.
11. Эспань, М. Что такое культурный трансфер? [Электронный ресурс] / М. Эспань. – 2014. – Режим доступа: <https://republic.ru/calendar/event/1109349/>. – Дата доступа: 01.10.2016.
12. Эспань, М. Иностранцы в Париже и культурный обмен [Электронный ресурс] / М. Эспань. – 2016. – Режим доступа: <http://arzas.academy/materials/809>. – Дата доступа: 01.02.2017.
13. Bibliographie Kulturtransfer [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/moderne/kutrbib.htm>. – Дата доступа: 01.10.2016.
14. Шалькевич, В. Ф., Легчилин, А. А. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века / В. Ф. Шалькевич // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летия со дня рождения Иммануила Канта: труды Под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград, 2005. – Ч. I. – С. 87–98.
15. Легчилин, А. А. Рецепция немецкой философии в Беларуси и Литве в XIX веке / А. А. Легчилин // Историко-философские исследования в регионе Восточной Европы: опыт, задачи, социокультурное значение: материалы Междунар. науч. конф. – Минск, 2013. – С. 68–77.
16. Падалінская, А. А. Рэцэпцыя ідэі Антычнасці ў філасофскай думцы сярэднявечнай Беларусі / А. А. Падалінская // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Минск: Беларус. навука, 2008. – Т. 1. Эпоха Сярэднявечча. – С. 414–440.
17. Ehalt, H. «Kulturtransfer» – Europäische Geschichte gegen den Strich nationaler Mythen (Podiumsdiskussion in den «Wiener Vorlesungen») / H. Ehalt [et al] // Kulturtransfer. Kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert. – Wien, 2003. – P. 9–40.
18. Stockhorst, S. Introduction. Cultural transfer through translation: a current perspective in Enlightenment studies / S. Stockhorst // Cultural Transfer through Translation. The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation. Edited by Stefanie Stockhorst. – Amsterdam – New York, 2010. – P. 7–29.
19. Познякова, О. Л., Легчилин, А. А. Рецепция идей И. Канта в Беларуси / О. Л. Познякова // Философско-культурологические исследования [Электронный ресурс]: сб. ст. / под ред. А. А. Легчилина, Т. Г. Румянцевой. – Минск, 2016. – Вып. 2. – С. 27–33.

Дата поступления: 01.10.2018.